

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 25 (1136). Суббота, 9 июня 1945 г. Цена 45 коп.

ОБЛИК ЖУРНАЛА

Велико значение журналов в общественной жизни нашей страны. Каждый номер с нетерпением ждут, читают и обсуждают в самых различных аудиториях. В редакции постоянно приходят письма бойцов и офицеров Красной Армии, рабочих и инженеров, колхозников и ученых с горячими откликами на новое и интересное в журнале. Все это естественно, так как журналы у нас всегда являлись трибуной общественности.

В истории русской, в особенности советской литературы трудно назвать крупное, значительное произведение, которое не публиковалось бы сначала в журнале. Несомненно, что литературно-художественный материал журнала всегда был наиболее влиятельным и воздействующим на читателей.

В составе редакционных коллегий наших журналов значится имена всем известных и уважаемых советских литераторов. Однако только за последнее время деятельность этих редакций несколько оживилась, что не замедлило дать некоторое улучшение качества журналов. Наличие в составе каждой из редакций группы писателей с ярко выраженной творческой индивидуальностью пока еще не определяет облик самого журнала, не проявляясь еще разность творческих направлений.

Успех той или иной книжки наших журналов сейчас определяется публикацией в ней яркой прозы или талантливых стихов. Количество значительных, талантливых повестей и романов, поэм и стихотворений у нас неизменно растет. Поэтому журналы почти в каждом номере находят возможность примечательной для читателей публикации произведений художественной литературы. Но появление отдельных значительных произведений не снимает с редакций заботы о качестве и обилии работ с авторами и борются за определенную художественную линию своего журнала.

В подзаголовках наших журналов неизменно значится: «Литературно-художественный и общественно-политический журнал». Так сложился традиционный тип русского журнала, выработанный вековой практикой корифеев нашей классической литературы, Пушкина и его «Современника», Некрасовская редакция «Современника» и Чернышевский, Добролюбов; «Москвитин» Аполлона Григорьевича и А. Н. Островского; «Русское богатство» В. Короленко и наконец, «Литературный фронт» — выдающийся философский журнал. Нет широкой повстанческой информации о советской и зарубежной литературной и культурной жизни. Нет публицистики в подлинном смысле этого слова, поднимающей проблемы морали и поведения, воспитания и жизненного уклада. Нет публикации документов и фактов Великой Отечественной войны. И наконец, редакциям журналов недостает чувства ответственности за будущее нашей литературы, открытия и защиты новых писательских талантов.

Горький писал: «Никогда и нигде важнейшее дело познания своей страны не развивалось так быстро, так удачно, как в форме, как это совершается у нас, «Современник» рассказывает многомиллионному читателю обо всем, что составляет его энергию на всем огромном пространстве Союза Советов, на всех точках приложения творческой энергии рабочего класса». Тщетно, однако, искать подобные очерки в наших журналах. В «Октябре» за 1944 год не появилось ни одного такого очерка, а в «Новом мире» за тот же срок напечатан лишь один о саратовском газе... В журналах публиковались фронтные корреспонденции, но опущен, оставлен без внимания великий трудовой подвиг рабочего класса и колхозного крестьянства.

Не печатают журналы и обзоров о достижениях нашей науки и ее проблематики. За год в журнале «Октябрь» появилась лишь одна статья, выходящая за пределы вопросов литературы и посвященная русской классической философии прошлого века. Нет нужды подчеркивать значение статей о проблемах современной науки для формирования передового материалистического мировоззрения читателей. Как и проблемная публицистика, научные обзоры есть традиционная и дорогая нам принадлежность русского журнала.

В заслугу журнала «Знамя» надо поставить публикацию документов современности. «Письма с фронта» Юрия Крымова и «Письма за Францию» («Письма приговоренных к смерти») обожают душу читателей и оставляют незабываемое впечатление как образцы величия человеческого духа. По своему впечатлению и воспоминаниям героев, печатаемые в литературной записи писателей, как, например, воспоминания Игнатовых в «Новом мире» и Копача в «Октябре». Но есть немало красноречивых документов, не нуждающихся

в литературном переложении и даже проигрывании, теряющих достоверность и выразительность при их бездифференциации. Это не только письма, дневники и записки, но и рапорты, донесения, протоколы следствия. Публикация таких документов имеет большое воспитательное значение для читателей, она нужна и для истории и литературы.

Обязанностью всякого периодического издания всегда была и остается информация. Культурная и литературная жизнь нашей страны, ее международное звучание, равно как и дела и искусства за рубежом должны найти место на страницах журналов, совсем забывших об этом. Забыты журналы также кино, театр, живопись, музыка, заслуживающие систематического освещения. Единственным справедливым явлением в этой области оказывается влиятельный журнал «Октябрь» краткая критическая антология новых книг.

Вопрос о литературной критике в журнале остается острым. Журналы за последние год предоставили значительно больше места критике. Время от времени появлялись серьезные, обобщающие статьи. Но, в большинстве своем, критические материалы свелись к отзывам на книги, к юбилейным статьям, редким обзорам братских литератур. Не поднимались и общественно-политические и общелитературные проблем на основе разбираемых произведений. А ведь именно в этом задача критики.

Журналы — активный, творческий центр литературной жизни — такова традиция русской журналистики. Между тем, сейчас редакции журналов еще не стали центрами творческой работы писателей и ограничиваются лишь подбором, редакцией и публикацией рукописей. Нет еще в журналах той атмосферы общественной заинтересованности, нет творческой работы, которая так способствует появлению вещей значительных, глубоких.

Не менее важна организующая и воспитательная роль журналов в деле развития творческих сил писателей. Вспомним, как волновал Тургенев, когда узнавал о сколько-нибудь способном молодом литераторе. Перед войной «Красная новь» законно гордилась напечатать первые произведения Юрия Крымова и Нины Емельяновой. Наши журналы за годы войны познакомили читателей со многими молодыми поэтами. Но в области прозы, кроме имен Березко и Калинин, ничего не вспоминается. Это заставляет усомниться в надлежащем внимании редакций к молодым прозаикам. Открытие же и воспитание новых литераторов — священная обязанность и предмет законной гордости журналов.

Сейчас, одно за другим, появляются и будут появляться крупные капитальные произведения наших лучших и наиболее популярных писателей. Год начался с публикации таких значительных вещей, как роман А. Фадеева «Молодая гвардия», повесть В. Катаева «Сын полка». Предстоит новые романы М. Шолохова, К. Федина, отрывки из которых уже публиковались, а также ряд других не менее обильных произведений. Однако это не значит, что редакции могут отказаться от работы с авторами и дожидаться только таких произведений.

Борьба за качество рукописи, за чистоту и богатство русского языка составляет основную обязанность редакции. Журналы далеко не всегда достаточно требовательны и выскальчивы в этом отношении, чем и объясняется появление таких небрежных и недоработанных произведений, с большим количеством языковых погрешностей, как повесть И. Попова «Жар-птица» в «Октябре». В Герасимовой «Байдарские ворота» в «Знамени», А. Авдеенко «Большая семья» в «Новом мире», как некоторые статьи в том же журнале.

Время выхода журнала, срок получения книги подписчиком должен быть предметом серьезной заботы редакции. Нельзя мириться с тем, что двенадцатая книга «Знамени» попала к московскому подписчику с опозданием на пять месяцев! Даже при меньших опозданиях выход произведений отдельными книгами переживает появление их в журналах, как это произошло с поэмой М. Рыльского «Путешествие в молодость» и романом К. Гамсахурдия «Двадцать Странств», главы из которых напечатаны в последнем (2—3) номере «Нового мира». Через месяц после праздника Победы читатель получает третью книгу «Знамени» со стихами: «Когда мы будем праздновать победу...». Все это превращает журналы в альманахи, лишает их связи со временем и объективно приводит к перепечаткам из уже вышедших книг.

Рост и развитие нашей литературы обуславливает необходимость дальнейшего коренного улучшения работы журналов. Намечившийся сдвиг несомненно положительный, но еще недостаточен. Время требует от нас большего.

Величие нашей победы, беспримерность содеянного нашим народом освещают перспективы нашей мирной жизни. Освободив Европу от фашистской тирании, оградив человечество от опасности уничтожения культуры, советский народ под водительством Сталина движет вперед все области своей жизни. Наша литература во всех ее видах, наши журналы — дело мирового значения, которое нам надлежит выполнять с честью.

Учебно-методическая конференция 1945 г.

В Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова открылась учебно-методическая конференция, которая продлится с 7 по 10 июня.

На пленарном заседании, состоявшемся в Коммунистической аудитории МГУ, с докладом на тему «Нарезанные вопросы университетского образования» выступил ректор университета проф. И. Галкин. Академик Д. Пивнянский сделал доклад «Из опыта более 50-летней педагогической работы в высших учебных заведениях».

Вчера начались секционные заседания конференции по факультетам. Секция филологии заслушала доклады проф. Г. По-

Монография о романах В. Барнова

ТБИЛИСИ. (От наш корр.) Грузинский писатель Василий Барнова (1857—1930) — автор многочисленных исторических романов из жизни древней Грузии. В романе «Разрушение Армази» ярко и колоритно описана Грузия IV века, в историческом романе «Сожаление о юности» изображена жизнь и деятельность Давида Строителя. Среди читателей большим успехом пользуются его романы «Гаспий ороел»

(о Грузии XVI в.) и «Георгий Саакадзе». Кроме исторических романов, В. Барнова писал рассказы о жизни цеховых мастеров и подмастерьев, изображал жизнь и быт деревенской Грузии. Творчество В. Барнова неоднократно привлекало внимание исследователей. Недавно в тбилисском издательстве «Советский писатель» вышла монография Ш. Радвани «Исторические романы Василия Барнова».

Ой ты, сокол!

Словенская народная песня

Ой ты, сокол, смелый сокол,
Не слетай ты, словно ветер,
От Палуку-горы высоко!
Не лмай ты на рассвете
У сирени нашей ветви,
Не буди ты утром рано
Молодого Радована,
Удалого партизана!

Он вчера пришел с похода,
Утром вновь готов к походу,
Он сражается три года
За народную свободу.
Подрывал он рельсы, шпалы,
Пожигал во тьме запалы,
Поклонялся врагов немало,
Сил его на всё хватало!

Ой ты, сокол, смелый сокол!
Сын пришел с горы высокой,
Говорит мне: «Мать родная,
Я прилягу, отдохну,
Разбуду с зарею сына,
Завтра дам ролюю покую.
Ой, старушка, мать родная,
На гору выдь утром ранним
С первым утренним туманом.

Песню первую услышав,
То пойдет у поворота
Сотня парней неженатых,
Боевая наша рота,
Прозвонит по горло птичье
В высоте небесной синей,
Горло тонкое девичье
Прошеплет тебе о сине.

А вторую песню услышав,
По горам пройдут за нами
Партизанские отряды,
И пред каждым выеда знамя.
Полойди ты, мать, к откосу,
Распусти седые косы,
Чтоб пути нам не сплетались,
Чтоб с удачей не расстались.

А услышав третью песню,
То пойдет с равнин с востока
Войско русское большое.
Три дня, словно гуд потока,
Будет эта песня слышна,
И под конские копыта
Будут все пути стелиться,
Тут с горы о мать родная,
Ты спускайся вниз к долине,
Собирай от камня к камню
Алый цвет на луговине,
Чтоб цветами братьев встретить,
Чтоб их славный путь отметить.
Пусть узнают наши братья,
Как крепки у нас объятия,
Как душа меньшого брата,
Старшого встречая, рада!

Ой ты, сокол, смелый сокол,
Не слетай с горы высокой,
Не буди ты утром рано
Молодого Радована,
Удалого партизана!

Перевод МХ. ЗЕНКЕВИЧА.

К 220-летию Академии наук СССР

ВЫСТАВКА В МУЗЕЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

Посещение музея Л. Н. Толстого и осмотр его замечательных коллекций входит в программу празднования 220-летия юбилея Академии наук СССР.

Для приближающихся к юбилейным торжествам гостей музея Л. Н. Толстого развернута выставка своих фондов. В отличие от обычной музейной экспозиции на юбилейной выставке будут демонстрироваться не фотокопии, а оригиналы произведений великого писателя, подлинники его писем и писем к нему.

Посетители выставки увидят лучшие произведения русского искусства, связанные с именем Л. Н. Толстого. Здесь будет представлено до 40 оригиналов Репина, подлинники картины Крамского, Ге, Пастернака, скульптура Аронсона и др., а также работы советских художников. Некоторые картины будут выставлены впервые.

Юбилейная экспозиция займет всемирно известный зал, посвященный теме «Л. Н. Толстой и Великая Отечественная война с немецко-фашистскими захватчиками». В этом разделе будут демонстрироваться вышедшие в годы Отечественной войны новые издания произведений Л. Н. Толстого, новые иллюстрации советских художников к «Войне и миру» и «Севастопольскому рассказу». Для этого раздела композитор С. Прокофьев переладил музейный оригинал своей новой оперы «Война и мир».

Юбилейная экспозиция ярко иллюстрирует мировое значение и влияние Л. Н. Толстого, в частности, громадный интерес к нему советскими людьми в годы борьбы с немецким фашизмом.

К ЮБИЛЕЮ САЯТ-НОВА

БРЕВАН. (От наш корр.) Песни Саят-Нова, выдающегося армянского поэта XVIII века, пользуются огромной популярностью в Армении, Грузии и Азербайджане.

В связи с приближающимся 150-летием со дня смерти Саят-Нова Советским Армянским ЦСР утвердила юбилейный комитет. В его состав входят академик И. Орбели, А. Исакян, народная артистка СССР Айкунц Даниелян, Д. Демичан, Ст. Зорян, Сулейман Рустам, Наири Зарьян, И. Гришахиян, В. Кирпотиан и др. Недавно состоялось первое заседание юбилейного комитета, на котором был рассмотрен и утвержден план мероприятий по проведению юбилея. Государственное издательство Армении выпускает собрание сочинений Саят-Нова, куда впервые будут включены, кроме армянских стихов поэта, переводы его грузинских и азербайджанских стихотворений.

Готовится к изданию также сборник

Новые издания классической и современной советской литературы

Украинки под редакцией П. Антокольского, М. Бажана, А. Дейча и В. Росошеля. В одностопном войду: лирика, поэмы «Роберт Брюс, король шотландский», «Старая сказка», «Изольда Белокорая», драматические произведения «Лесная песня», «Каменистый холм», «Катакомбы» и др. в 2-х томах. П. Антокольского, М. Аigner, Н. Уманского, Н. Булуца, В. Звягиничевой, М. Комиссаровой, Г. Шенгели и др. Книжка открывается вступительной статьей А. Дейча.

САМОСУД

Мухтар АУЭЗОВ

Глава из романа «АБАЙ»

Карашоки, олма из вершин Чингиса, находится неподалеку от зыбков Кода-ра. По ее лесистым склонам, покрытым богатой растительностью, протекает бурная река. Там, осина, кривая горная береза растет в пыльном наряде полного расцвета. Здесь сонные пастбища, удобная для жизни местность. Божени и Бирсак издавна обосновались здесь и никому ее не уступили.

Сбор был назначен здесь Аул Жексена состоял из четырех юрт, поставленных под огромной скалой, нависшей над рекою. Жигиты мчали Кода-ра и Камку прямо сюда.

— Везут! Уже везут! Зон Колар! — догнел в юрту голоса. Все сидевшие у Жексена вышли из дверей во главе с Кунанбай. Жигиты еще не успели под-ехать, как толпа, все увеличившаяся, на-правилась за аул и струдилась невдалеке.

Здесь лежал огромный двуторгий чер-ный верблюд, привязанный к колу. Меж-ду горбами его был набит войлок, сверху положено воловьё седло, и все это было обмотано толстой джмыной веревкой.

Увидев толпу, Камка, в пути не про-ворнувшись ни звука, вздрогнула. Она по-вернулась к Каммасбаю:

— Послушай, ты же человек. В чем наша вина? Что вы хотите сделать с на-ми? Убавите, но скажите прежде... Каммасбай, который до сих пор тоже молчал, заговорил. Слова его дышали ядом.

— Блудила со свекром, с Коларом? Вот вы сегодня и прикончат! — сказал он и взглянул на Камку.

Камка не отвечала. Она тихо остано-вилась и начала медленно сползать с седла. Каммасбай сам едва удержался. Крепко обхватив Камку, он понаогло коня и бы-стро поехал к толпе.

Там уже саживали с коня Кода-ра. Порывившись с народом, Каммасбай, под-держивая Камку рукою, сперва соскочил сам, а потом сжал с коня ее. Бесчувст-венное тело тянуло грохнулось на землю и так и осталось лежать: Камка потеря-ла сознание.

Перед Коларом стояла толпа около ста человек. Кунанбай, Божей, Каратай, Суоник, Майбасар и другие старейши-ны Тобыкты, за ними аскалы и другие знатные люди рода. Ни одного белдо или даже скромно одетого: здесь собрались все вожаки сильных, крупных родов.

Связанный Колар оглядывал толпу. Злоба и гнев колокотали в нем. Увидев в толпе Кунанбая, уставившегося своим мрачным единственным взглядом на его ли-цо, Колар весь затрясся. Рывнувшись в погоне неванитый, старик крикнул:

— Уа, Кунанбай! По-твоemu, мне мало обиды от бога? Какую еще гнусность го-товить мне?... Его прервали крики Майбасара и дру-гих старейшин.

— Довольно болтать! Довольно! — Затыл глотку! — завалил со всех сторон. Никто из них никогда не слы-шал, чтобы кто-нибудь так дерзко осмея-вался говорить с Кунанбаем.

Колар переждал. Когда шум начал стихать, он опять сказал с негодованием:

— Неужели своим позором ты думаешь отомстить судьбе за свой оселевший глаз? Кунанбай взревел:

— Заткните ему глотку! Майбасар, грозя пистолем, подбежал к старику:

— У, проклятый, седой пест! Колар в ответ крикнул еще громче:

— Если я седой пест, так вы — крова-вые псы! Набросились, воете, разорвать норовите!...

САМОСУД

Мухтар АУЭЗОВ

Глава из романа «АБАЙ»

В августе исполняется 100 лет со дня рождения казахского поэта и просветителя Абая. К юбилею выходит в свет перевод романа Мухтара Ауэзова «Абай» под редакцией Леонида Соболева.

Мы печатаем отрывок из первой гла-вы. Абай, тринадцатилетний мальчик, приехал в родной аул из мусульман-ской школы в Семипалатинске. Отец Абая — Кунанбай, правитель округа и ада-султан огромного рода Тобыкты, воспитывавший сына, сидевший, обвивая шею старика Кода-ра в сожителстве с молодой его умершей сыном, привидел отставивший осудить Абая на песты, ханюю в стени каан, Тайный расчет Кунанбая, вернувшись позже: за-назав похобил ему гла тот, что-бы впоследствии отнять пастбища племен Кода-ра.

На заре жизни призывавший казах-ский народ к объединению с русской культурой, получивший первый русский язык, Абай, ставший первым быт-пользователем стени, встречает его убитым невинных людей изла хо-лодьями расири и лодных расири. Это оставлет в его детском сознании незаглади-мый след.

Но Колар продолжал корчиться и вы-тигиваться, — смерть все не могла ослабить его богатого рода. Казалось, оно стало еще крупнее, и когда Колар вы-тигивался, ноги его едва не касались земли. Верблюд долго стоял неподвижно. Народ окаменел в молчании. И верблюд, поднявшийся на себе две человеческие смер-ти, тоже не издавал ни звука.

Байсал не выдержал: он отвернулся и отошел в сторону. Те, кто пытался гово-рить, говорили шопотом. Каратай тихо сказал Божю:

— Несчастный, как долго мучаетесь... Никан не умерет... Только сейчас вижу, какой это был великан! Божей криво повернулся и взглянул на него. Его лицо было мрачно и сурово.

— Твоего великана сожрал лед! — ска-зал он и толкнулся от страшного зрелища. Толпа перешептывалась:

— Жив... он все еще жив... Колар судорожно бался, корчась и дергался.

Кунанбай заметил, что шопот в толпе все гаснет. Муки действуют на нее жа-желее, чем само убитство. Коротким жестом руки он приказал положить вер-блюда.

Когда животное опустилось, бездыхан-ная Камка, вытигивушаясь во весь рост, камнем упала на землю. Колар, еще жив, свалился мягко, согнувшись. Не дав толпе опомниться, Кунанбай указал на вершину утеса и коротко сказал:

— Отнести на вершину! Собрать от-туда проклятого! Каммасбай и четверо других молча завла-дили Кода-ра на верблюда и повели на вершину горы. Утес с противоположной стороны имел пологий спуск. Кое-кто, не выдержав, хотел пойти. Но Кунан-бай остановил всех грозным окриком:

— Не расхотели! Стойте все! Толпа опять застыла. Из лесу быстро выехали два всадника. Они остановились у аула Жексена и привязав коней у крайней юрты, направи-лись к толпе. Это были Жиренше и Абай.

Тем временем на вершине показались люди, несшие Кода-ра. Они смотрели на стовящих вниз, Кунанбай отошел в сто-рону и, резким жестом опустив руку вперед, дал знак стоимому на вершине: «Бросай!» Четыре жигита, раскачан груз-ным телом Кода-ра, с силой бросили его вниз с крутого утеса, нависшего над ло-гом.

Поруганное долги мучениками, бес-чувственное тело, не зацепившись ни за один камень, полетело вниз и всей тя-желостью грянуло оземь. Труп упал перед самой толпой. Стоявшие с края услыша-ли, как глухо хрустнули кости...

Подходящие к толпе Жиренше и Абай, заметив, что люди напряженно смотрят на вершину утеса, тоже подняли глаза туда — и вдруг увидели человеческое тело, стремглав летевшее вниз с раски-нутыми полами одежды, точно на боль-ших распластавшихся крыльях. Жиренше бросился вперед. Абай закрыл глаза ру-ками и бесрельно опустился на землю. Все кончилось. Несчастный погуб...

О, если бы он пошел во-вперед! Он стал бы умолять отца, как только су-мел, и может быть, спас бы жизнь Ко-лару. Он опоздал. И он не в силах те-перь видеть этих людей. Бежать к ко-ню, вскочить на него и ускорять... Но в эту минуту толпа, молчаливая до сих пор, загудела:

— Беря ты!
— А ты что же?
— Беря сам!
Крики росли, свалились, перебивали друг друга. У многих в руках появились камни. «Драка!» — мелькнуло в голове у мальчика.

САМОСУД

Мухтар АУЭЗОВ

Глава из романа «АБАЙ»

позади тебя твой отец, — пробормотал он, не зная, что сказать.

— Что случилось? Что там такое? — Но Абай уже подбежал к своему ко-ню. Отгнав его повод, он услышал тихий жалобный плач, доносившийся из край-ней юрты.

Это плакала женщина. Одних сотряса-ли безумные рыдания, другие тихо сто-яли, иные чуть слышно всхлипывали. Ни одна не смела плакать в голос, но удержаться от слез они были не в силах. Женщин и детей мужичны перед казною согнали в эту юрту. Им пригро-зили, и оттого они плакали тихо, чуть слышно всхлипывая.

Точно стрела ударила в грудь Абая... Он прыжком вскочил на коня и погнал его в степь.

Жексен, вероятно, уже успел пожа-ловаться Кунанбаю. Мальчик услышал суровый окрик отца:

— Стой, негодный! Получишь ты у меня!

Но Кунанбай только грозил, а сказать «догоните и приведите его» — он не ре-шился.

Абай на коне мчался к себе в аул. Жиренше догонял его.

Они мчались обратно лесистым берегом реки. Леденящий холод сбивал Абая. Сердце мальчика, как каждая капля его кро-ви, все его чувства — всё трепетало в необъяснимом страхе. Это был ужас перед поступком отца, перед кровью, забрызган-ной его беспощадные руки. Его отец, его родной отец так жесток, так бессер-дечен!

На окрики Жиренше Абай не отвечал. Он думал впереди себя, то вскачь, то бегом, то шагом, то сталас в беге перед его конем. Они ехали берегом ре-ки и потом стали обходить склоны широ-ко раскинувшегося хребта. Дорога здесь была узкая — одна тропинка. Излом не-продеешь — тесно, на такой дороге раз-говаривать трудно. Но Жиренше, следуя по пятам Абая, не переставал болтать. В ауле он успел перекинуться словами с жигитами, и ему хотелось сейчас же по-литичисать своими сведениями с Абаем. Мальчик, полагавший виденным, трепе-танным, как в лихорадке, не понимал по-ловинный его слух.

Ему вспомнился тихий, жалобный же-нский плач, раздававшийся в юрте. Он выехал еще вперед и неожиданно для самого себя вдруг разразился слезами. Жиренше заметил это, хоть и ехал поза-ди Абая.

— Ой, что ты, озорник Текебай! Что с тобой? — удивленно попытался он и тронул коня, чтобы поворнуться к Абаю. Но едва тот заметил, что Жиренше приближается к нему, он хлестнул коня и снова ускаял вперед.

Они уже миновали горные овраги и спустились в широкую равнину. Абай неслось раз хлестнул магайкой своего бу-лаганого. Ему не хотелось, чтобы Жирен-ше видел его слезы. А тот вскачь ста-рался нагнать мальчика. Но разве его догонишь? Он ускаял уже на расстоя-ние пушечной стрельы и, мчась по степи один, перестал слежаться и залезл неудержимыми слезами.

За последние годы он ни разу не пла-кал. А сейчас не мог успокоиться — пла-кал, нессе врозь, Кунанбай отошел в сто-рону и, резким жестом опустив руку вперед, дал знак стоимому на вершине: «Бросай!» Четыре жигита, раскачан груз-ным телом Кода-ра, с силой бросили его вниз с крутого утеса, нависшего над ло-гом.

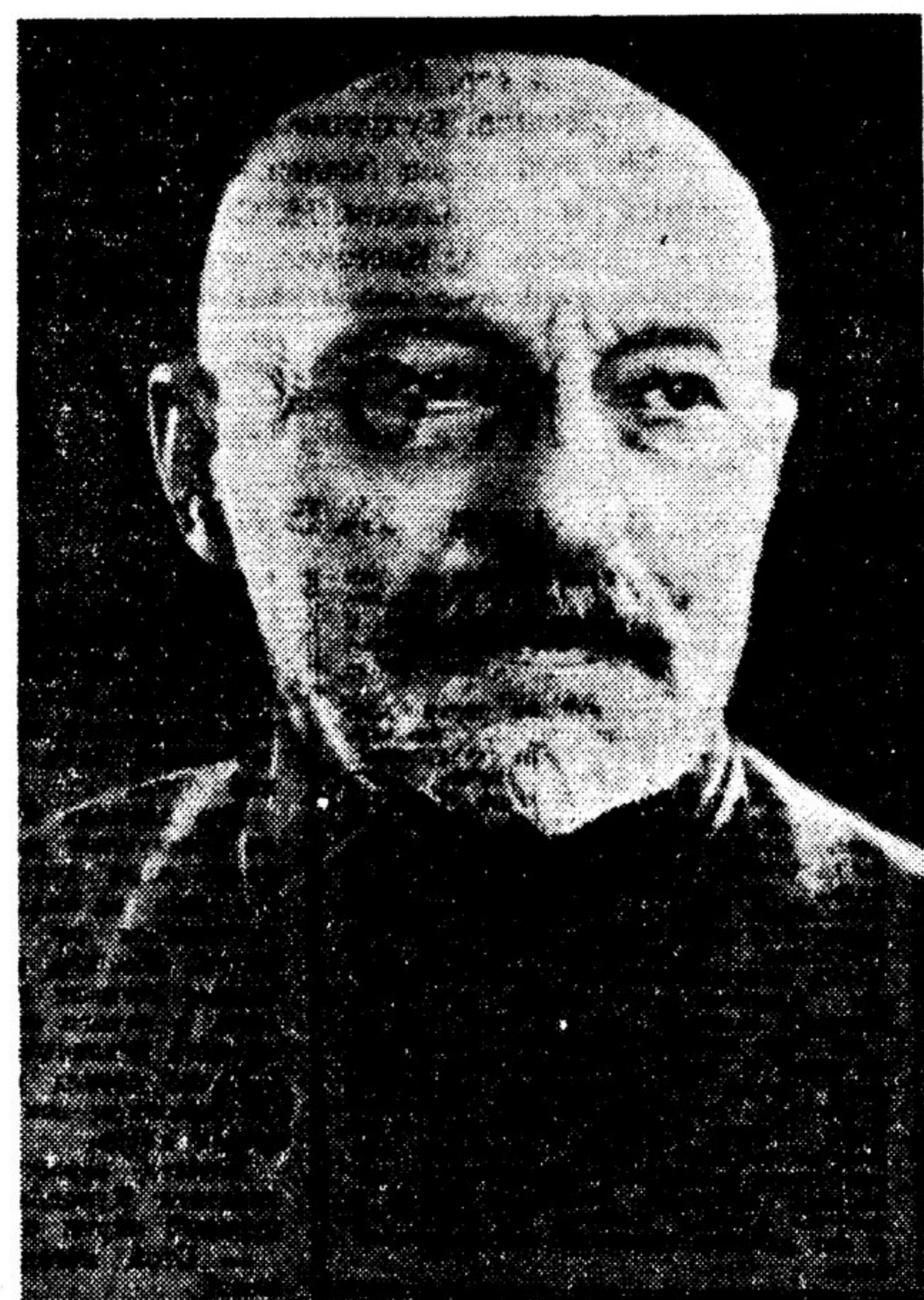
Поруганное долги мучениками, бес-чувственное тело, не зацепившись ни за один камень, полетело вниз и всей тя-желостью грянуло оземь. Труп упал перед самой толпой. Стоявшие с края услыша-ли, как глухо хрустнули кости...

Подходящие к толпе Жиренше и Абай, заметив, что люди напряженно смотрят на вершину утеса, тоже подняли глаза туда — и вдруг увидели человеческое тело, стремглав летевшее вниз с раски-нутыми полами одежды, точно на боль-ших распластавшихся крыльях. Жиренше бросился вперед. Абай закрыл глаза ру-ками и бесрельно опустился на землю. Все кончилось. Несчастный погуб...

О, если бы он пошел во-вперед! Он стал бы умолять отца, как только су-мел, и может быть, спас бы жизнь Ко-лару. Он опоздал. И он не в силах те-перь видеть этих людей. Бежать к ко-ню, вскочить на него и ускорять... Но в эту минуту толпа, молчаливая до сих пор, загудела:

— Беря ты!
— А ты что же?
— Беря сам!
Крики росли, свалились, перебивали друг друга. У многих в руках появились камни. «Драка!» — мелькнуло в голове у мальчика.

На семьдесят девятом году жизни умер выдающийся советский писатель Викентий Викентьевич Вересаев (Смидович).

В. В. Вересаев родился в 1867 году в Туле, в семье врача. Литературную деятельность начал в 1885 году. Уже в 90-х годах прошлого века он приобрел широкую популярность своими произведениями «Без дорог», «Поэтические», талантливо и ярко выразившими настроения передовых кругов русского общества.

Замечательный представитель прогрессивной русской интеллигенции, В. В. Вересаев на всем протяжении своего славного пути горячо отстаивал правду и справедливость на общественно-политических вопросах, волновавшие широкие слои трудящихся нашей страны.

Человек глубоких, разносторонних знаний, врач и филолог по образованию, Викентий Викентьевич создал ряд ценных произведений, неизменно привлекавших внимание и живой интерес многочисленных читателей. Его книги «Записки врача», «На повороте», «На войне», «К жизни» смело, искренно остро подымали актуальные проблемы действительности.

Богатый личный опыт писателя, высокая принципиальность, высокая наблюдательность, сообщенная работам этого выдающегося мастера слова большую силу убедительности и жизненности.

После Великой Октябрьской социалистической революции В. В. Вересаев выступил с рядом произведений, в которых отобразил новые черты советской действительности. Показав расхождение старой русской интеллигенции в своем романе «Из тупика», В. В. Вересаев с большим сочувствием нарисовал образы интеллигентно-коммунистической эпохи гражданской войны. Его повесть «Исканка» посвящена советской молодежи, ее художественные произведения В. В. Вересаева, написанные простым и метким языком, отличающиеся точностью и меткостью характеристик, являются правдивой летописью русской общественной жизни на протяжении многих десятилетий.

Неумолимо и плодотворно работал В. В. Вересаев и в области литературоведения и художественного перевода. Широко известна его капитальная работа «Илиада» Пушкину, Гоголю, его работы о Л. Толстом и Ф. Достоевском. Он опубликовал много талантливых переводов произведений древнегреческих поэтов. Последние годы своей жизни В. В. Вересаев успешно работал над новыми переводами «Илиады» и «Одиссеи».

Правительство высоко оценило заслуги В. В. Вересаева, наградив его орденом Трудового Красного Знамени, присудив ему Сталинскую премию за выдающиеся многолетнюю литературную деятельность.

Память о Викентии Викентьевиче Вересаеве, замечательном писателе и человеке, навсегда сохранится в наших сердцах. Его жизнь будет примером самоотверженного служения художника делу трудящихся.

Асеев Н., Бахметьев В., Благоев Д., Бонди С., Василеко И., Верховский Ю., Винокур Г., Вишневский В., Голубов С., Гладков Ф., Горбатов Б., Дерман А., Замощин Н., Иванов В., Исаковский М., Качалов В., Кипнер-Чехлова О., Караваева А., Катаев В., Кожевников В., Лебедев-Полынский В., Лебедев-Кумач В., Лейтес А., Леонидов Л., Ляшко Н., Москин И., Маршак С., Новиков И., Новиков О., Панферов Ф., Павленко П., Поляков Д., Пришин С., М. Погодин Н., Розанов И., Серафимович А., Сергеев-Цесковский С., Сейфуллина Л., Сиомонов К., Соболев Л., Степанов А., Суворов А., Тихонов Н., Ткачев И., Ткачевский Б., Твардовский А., Фадеев А., Федоренко С., Цыловский М., Чагин И., Чагиния А., Шолохов М., Щипачев С., Эйхенбаум Б., Эрнбург И., Яковлев А.

Правление Союза советских писателей СССР с присорбимом извещает о смерти выдающегося советского писателя, лауреата Сталинской премии Викентия Викентьевича ВЕРЕСАЕВА (Смидовича)

Иван НОВИКОВ Прощальное слово

Трудно говорить о покойном Викентии Викентьевиче, когда в ушах еще звучит живой его голос и как бы видишь эти полные мысли глаза, ныне закрывшиеся, а в которых с такой чистотой и ясностью отражался богатый внутренний мир этого большого писателя и человека, столь близкого целому ряду поэтов и писателей, заставляя их думать и волноваться теми благородными чувствами и мыслями, из которых и состоит внутренняя жизнь человека.

Писатель и человек были в Викентии Викентьевиче неразделимы. Вся его жизнь была единым и непрерывным трудом. И это не было тем, что просто называют исключительной работоспособностью. Нет, это было нечто другое, гораздо более сложное и гораздо более высокое: это было непрерывное горение труда, дающее внутренний свет.

В. ШКЛОВСКИЙ Вечно мужество людей

На дворе перед белым домом Союза писателей поздно распустили облака. Белый дом невисок, раскидист, знаком и печален.

В зеленом зале черно-красные полотнища, портрет умершего писателя. Старый писатель — современник Горького и Короленко — улыбается из жизни. Мы все много раз стояли друг против друга в почетных караулах и знаем мысли о военной и невоенной смерти.

Вересаев жил долго. 50 лет тому назад он написал повесть «Без дорог» — о советской интеллигенции. Он написал хорошую книгу «На войне», написал очерк «Лианоз» о деревне и написал еще одну книгу о советских «Записки врача» — книгу об ответственности и сомнении. В этой книге нет скептицизма, потому что она основана на требовании от человека чуда.

К старости или к зрелости Вересаев занялся переводом гомеровских гимнов, переводами Гезюла и работами над Пушкинами.

Многие из нас останутся в памяти людей хотя бы из-за того, что мы жили в великое время и сохраним его след. Не создаст искусство величайшее и неосомненное. Пушкин писал в предисловии к 8-й и 9-й главам «Евгения Онегина», «Между тем, как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии сотворились и каждый день заменяются другими — произведения истинных поэтов остаются свежими и вечно юными».

Так писал Пушкин, ясно и трезво создавая бессмертие своего дела. Хочется жить, делая несомненные вещи. И так сделал Вересаев.

Настоящий демократ — человек, веря-

Мне хотелось бы поделиться моими наблюдениями над советской армянской литературой. Литература наша в годы войны переживает новую фазу своего развития. Государственным издательством Армении в 1945 г. выпущено и подготовлено к печати свыше тридцати книг. Это романы, повести, поэмы, сборники стихов, написанные за последние два-три года. Большая часть этих произведений по своему художественному и идейному уровню стоит выше всего того, что было написано в Армении за 25 лет существования советской власти. Подвигаются большие доли этих книг посвящены Отечественной войне; остальные написаны на исторические темы. Я не привожу перечня имен и названий, не знакомых широкому советскому читателю. Лучшие из этих книг в настоящее время переводятся на русский язык.

Армянская литература в годы войны еще глубже выразила идеи советского патриотизма и сталинской дружбы народов при ведущей роли русского народа. Опустив расширилась тематика армянской литературы. Впервые многовековая история армянского народа стала предметом внимания советских армянских писателей. Народ, чей советской государственности, культуре и самому существованию угрожал враг, добравшийся до Кавказского хребта, народ наш обратился к своему героическому прошлому, чтобы в нем почерпнуть уроки. Деревня Демирчян романом «Вардананк» осветил исторические пути армянского народа, словно вывел из глубины веков бойцов и отправил их на фронт Отечественной войны.

Вслед за романом Демирчян вышел в свет «Царь Пал» Степана Зорни. Удача этих произведений вызвала исключительный интерес писателей Армении к историческим темам; появились новые романы, поэмы, повести.

Однако в армянской литературе нет еще произведения, широко отображающего героический сегодняшний день и могущего соперничать, скажем, с «Вардананком» или «Царем Пал».

Что это объяснить? Неужели писатели Армении ближе прошлому родного народа, чем его советское возрождение, чем подвиги наших дней? Конечно, нет! Где же тогда искать причину того, что художественно-исторические произведения о прошлом стоят качественно выше вещей, отображающих наш сегодняшний день?

Причина тому много. Прежде всего историческое прошлое — это категория объективная, неоднократно изучавшаяся, обследованная, следовательно, легче поддающаяся художественному восприятию и изображению.

Приступая к работе над историческим произведением, писатель продвигает обширную подготовительную работу: всесторонне изучает материал, знакомится с экономической, политической и культурной средой эпохи, глубоко изучает быт, становится специалистом избранного им материала, а уж потом переходит к непосредственной творческой деятельности.

После четырехлетнего перерыва в Москве вновь открылся Государственный музей восточных культур. Экспонаты музея, вывешенные в ряд, возвращены в Москву в полной сохранности.

Иллюстрация художника М. Пикова к «Илиаде» Гомера в переводе В. Вересаева (Гослитиздат).

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА С АНДРОМАХОЙ

Отрывок из «Илиады» Гомера в новом переводе В. Вересаева

Славного Идомена, обоих Аяксов, а также двух знаменитых Атридов и мощного сына Тидея. Верно, о том им сказал прорицатель какою-либо вещей, Или, быть может, и собственный дух побудил их на это. Он отвечая, сказал шлемоблудущий Гектор великий: «Все и меня это сильно тревожит, жена; но ужасно Я бы стался троянец и длинноодежных троянок, Если б вдали оставался, как трут, уклонился от боя. Да и мой дух не позволяет: давно уже я научился Абсолютным быть неизменно и вместе с передними биться. Ставу большую отцу и себе самому добывая. Знаю и сам хорошо, — и сердцем, и духом я знаю. Будет некогда день, и погибнет священная Троя. С немю победит Прям народ копсаца Пряма. Но сокрушат нем сердце не столько грядущее горе Жителей Трой, Гекабы самой и владыки Пряма. Горе возлюбленным братьям, столь многих и храбрых, которых На землю пыльную свергнут удары врагов разяривших, — Сколькю твое! Уведет тебя меднодошпанный ахес, Любящую горькие слезы, и дней ты свободы лишиться. Будешь, невольница, в Аргосе твоя для другой, или воду Станешь носить из ключей Мессеиды или Гиперии; Необходимость заставит мочука, как ни печалься. Любящую слезы тебя кто-нибудь там увидит? и скажет: «Гектора это жена, превышавшего доблестью в битвах Всех конейборных троянцев, что блился вокруг Илион». Скажет он так и пробудит в душе твоей новую горест. Вспомнишь ты мужа, который тебе защитил бы от рабства. Пусть же, однако, умру я и буду засыпан землею. Прежде чем трояний, услышу твою вопль и позор твою увижу». Муж и сына обнял, и супругу возлюбленную передал в руки Милого сына. К груди богатою прижал ребенка Мать, засмеявшись сквозь слезы. И жалость у Гектора Сердце.

Похороны писателя

Б июня трудящиеся Москвы прощались с замечательным русским писателем Викентием Викентьевичем Вересаевым. В ватанском траурными полотнищами конференц-зале Союза советских писателей, на постаменте среди венков и цветов возвышался гроб с телом покойного. Проститься со старейшим художником слова пришли писатели, ученые, артисты, врачи, учителя. Здесь — люди различных возрастов и разных писательских поколений, друзья и сверстники Вересаева, начинавшие вместе с ним свой творческий путь, и московские студенты и школьники, которые по произведениям Вересаева знакомятся с далеким для них прошлым.

Под звуки траурных мелодий, сменяя друг друга, в почетный караул становятся заместители наркома иностранных дел И. Майский, Герой Советского Союза генерал-полковник А. Боголюбов, Н. Телегин, В. Игнатов, О. Ленинков, П. Антокольский, С. Маршак, проф. И. Семашко, К. Федин, М. Цыловский, И. Розанов, П. Лебедев-Полынский и др.

Открывая траурное собрание, Н. Тихонов представляет слово И. Новикову, который говорит о чистоте, благородстве и волевой человечности В. В. Вересаева.

А. ДЕРМАН ПУТЬ ХУДОЖНИКА

Если бы смерть помедлила еще только полгода, В. В. Вересаев встретил бы шестидесятилетие своей литературной деятельности. Самая эта деятельность изумляет своим исключительным многообразием. Скажут, что все виды и жанры представлены в его творчестве, — значит мало и недостаточно сказать. Здесь есть беллетристика, поэзия, критика, отчасти драматургия, философия, публицистика, мемуары. Роман, повесть, рассказ, новелла. Но и за пределами этой привычной номенклатуры остается значительная часть творческого наследия В. В., для которой нашему литературоведению еще предстоит избрать новые определения, и начеволающим образом и притом до такой степени жизненные, что они немедленно войдут в нашу литературу как бы естественное распространение. Напомним хотя бы судьбу его «Записки врача», вслед за которыми не только у нас, но и за границей потянулись несомненная вереница «Записок» представителей всех существующих профессий; или его книгу «Пушкин в жизни» приближенности с той же судьбой. Но, пытаясь определить лицо этих книг, мы обречены лишь на отрицательную терминологию: «Записки врача» — это не беллетристика, не публицистика, не мемуары, не автобиография и т. д. Это — открытие Вересаевым нового вида литературы. И точно то же «Пушкин в жизни» и «Невыдуманные рассказы о прошлом», новый вид открытий уже старым, семидесятилетним Вересаевым.

Памяти В. В. Вересаева

Грузинские писатели вместе со всеми писателями Советского Союза глубоко скорбят о смерти выдающегося мастера слова Викентия Викентьевича Вересаева. Творчество В. В. Вересаева всегда пользовалось широкой популярностью среди читателей Советской Грузии. Викентий Викентьевич в суровые дни Отечественной войны жил и работал среди нас, в Тбилиси. С нескончаемой энергией, не покладая рук, он трудился для общего дела победы над врагом; своими частыми выступлениями в печати и среди бойцов он снискал себе широкую популярность. Правительство Грузинской республики представило В. В. Вересаева к награждению медалью «За оборону Кавказа».

Память о В. В. Вересаеве, замечательном русском писателе и чутком, прекрасном человеке, навсегда останется в сердце трудящихся Грузии.

По поручению Союза советских писателей Грузии СИМОН ЧИКОВАНИ.

От имени писателей Дагестана выражаю глубокое соболезнование по поводу смерти выдающегося русского писателя Викентия Викентьевича Вересаева (Смидовича).

Ответственный секретарь Союза советских писателей Дагестана КАМЛЯ СУЛТАНОВ.

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА С АНДРОМАХОЙ

Отрывок из «Илиады» Гомера в новом переводе В. Вересаева

Славного Идомена, обоих Аяксов, а также двух знаменитых Атридов и мощного сына Тидея. Верно, о том им сказал прорицатель какою-либо вещей, Или, быть может, и собственный дух побудил их на это. Он отвечая, сказал шлемоблудущий Гектор великий: «Все и меня это сильно тревожит, жена; но ужасно Я бы стался троянец и длинноодежных троянок, Если б вдали оставался, как трут, уклонился от боя. Да и мой дух не позволяет: давно уже я научился Абсолютным быть неизменно и вместе с передними биться. Ставу большую отцу и себе самому добывая. Знаю и сам хорошо, — и сердцем, и духом я знаю. Будет некогда день, и погибнет священная Троя. С немю победит Прям народ копсаца Пряма. Но сокрушат нем сердце не столько грядущее горе Жителей Трой, Гекабы самой и владыки Пряма. Горе возлюбленным братьям, столь многих и храбрых, которых На землю пыльную свергнут удары врагов разяривших, — Сколькю твое! Уведет тебя меднодошпанный ахес, Любящую горькие слезы, и дней ты свободы лишиться. Будешь, невольница, в Аргосе твоя для другой, или воду Станешь носить из ключей Мессеиды или Гиперии; Необходимость заставит мочука, как ни печалься. Любящую слезы тебя кто-нибудь там увидит? и скажет: «Гектора это жена, превышавшего доблестью в битвах Всех конейборных троянцев, что блился вокруг Илион». Скажет он так и пробудит в душе твоей новую горест. Вспомнишь ты мужа, который тебе защитил бы от рабства. Пусть же, однако, умру я и буду засыпан землею. Прежде чем трояний, услышу твою вопль и позор твою увижу». Муж и сына обнял, и супругу возлюбленную передал в руки Милого сына. К груди богатою прижал ребенка Мать, засмеявшись сквозь слезы. И жалость у Гектора Сердце.

Столетие со дня рождения народной литовской писательницы Жемайте отмечается в Советской Литве, как всенародный праздник. Выдающаяся писательница, классик литовской литературы, Жемайте явилась выразительницей интересов литовского народа. Пятьдесят лет прожила Жемайте в деревне, в условиях изнуряющего труда, постоянной нужды и бескультурья. Выучившись в детстве грамоте, она редко имела возможность читать

книгу или газету. Но в ней не угасала тяга к знанию, которая и привела ее в литературу.

Встретившись с прогрессивными деятелями литовского национального движения того времени, Жемайте уже пожилая женщина, мать большой семьи, до этого не написавшая ни одной строчки, под влиянием этих деятелей решила попробовать свои силы и в 1894 году опубликовала первый рассказ «Осенний вечер», сразу обнаружив в нем большой беллетристический талант. На протяжении двадцати семи последующих лет Жемайте написала много замечательных произведений, ставших классическими в литовской литературе и вошедших во все школьные хрестоматии.

Путь Жемайте из самых глубин народа к литературной славе знаменует культурный рост самого литовского трудового народа, его победу в борьбе за свои права. Поэтому Жемайте так дорога литовским трудящимся, и ее портреты в 1940 г. при установлении советской власти в Литве вносили во время народных демонстраций.

Достигнув литературной славы, Жемайте осталась верна народу. Когда во время первой мировой войны Литва подверглась грабительскому нашествию немцев, Жемайте, несмотря на свой преклонный возраст, отправилась в Америку собирать средства для помощи родине, страдавшей от немецких оккупантов. В Америке она выступала и как писательница, клеймившая своим пером немецких захватчиков, и как

неутомимый трибунал, призывая соотечественников помочь родине.

Истинный демократ, верный друг трудового народа, Жемайте после окончания войны вернулась в Литву. С горькой обидой говорила Жемайте: «Вернулась в Литву — не нашла Литвы», и этим выразила свое отрицательное мнение о буржуазной республике. Смерть, последовавшая в 1921 году, превратила ее решительную борьбу за права трудового народа Литвы, притесняемого новыми господами.

Жемайте пришла в литовскую литературу в то время, когда в ней господствовал националистический романтизм и слащавый сентиментализм. В произведениях Жемайте сразу прозвучал свежий голос реализма. С большой художественной яркостью, а порой с потрясающей откровенностью Жемайте рисовала картины литовского крестьянского быта, который она так хорошо знала. В своих многочисленных повестях и рассказах она страстно обличает темные стороны этого быта — бескультурье, религиозные предрассудки, алчность, пьянство, расколку долю женщины.

Жемайте особенно занимает тема брака по расчету. Изображение этого подлинного бедствия тогдашней литовской деревни посвящены лучшие повести Жемайте: «Петрас Курмяляс», «Сноха», «Чертова свадьба, чертвы и похороны», «Умаяя голова» и др.

Особенно резко она обрушивается на помещиков, изображая дворянские поместья не только, как место экономической эксплуатации, но и как рассадник разврата («Пойманный бес», «Топилис» и др.).

Но рисует темные стороны народного быта, Жемайте открывает в народной жизни и много светлых, положительных сторон, которые она показывает в радостных, сверкающих юмором картинах. Чуткий певец природы, Жемайте — замечательный, тонкий мастер пейзажа, блестящий знаток литовского языка. Произведения Жемайте совершенны по колориту народной речи, богатства которой она сделала общим достоянием. Творчество Жемайте — целая страница в развитии литовской художественной литературы.

Литовская буржуазия недолюбливала Жемайте, а реакционная критика часто пыталась не заметить ее творчество. Но для лучшей части литовских писателей Жемайте всегда была символом подлинной народности, а ее творчество — примером правильного изображения жизни. Буржуазные издатели несколько лет держали под судом наиболее радикальные произведения Жемайте, и лишь протесты тысяч литовских писателей заставили их отбросить идеологические позиции как отдельных литовских писателей, так и целых литературных групп. Те из них, которые отстаивали лучшие традиции творчества Жемайте, всегда оказывались вместе с трудовым народом в его борьбе за свои права. Творчество Жемайте имеет большое значение в развитии литовской литературы и сильно укрепило в ней реалистические элементы.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

При редакции виванской областной газеты «Славские знамя» организовано литературное объединение. Недавно газета выпустила первую литературную страничку, где опубликованы стихи В. Золотова, И. Конищева, А. Левушкина, рассказы А. Тувакина «Горюхи» и статья Т. Закоцкого «Пословицы Отечественной войны».

Вечер В. Горбатова состоялся на днях в Доме актера ВТУ. Приглашен был и собиравшийся своим выступлением о последних боях войны. Он рассказал об ожесточенных боях в Берлине, о героизме штурма Рейхстага, о подвиге артиллерийского дивизиона в Берлинском районе, о подвиге артиллерийского дивизиона в Берлинском районе, о подвиге артиллерийского дивизиона в Берлинском районе.

Вечер армянской поэзии проходил в Дом культуры в Москве в связи с празднованием 25-летия революции. В программе выступили: В. Пастернак, М. Петрович, В. Янгинцева, В. Луговской и др. Из Еревана приглашена мастер художественного чтения Тамара Декурин.

В Центральном доме работников искусств состоялся вечер англо-американской лирики. В. Левин читал свои переводы из Ронсарта, Бодлера, Верлена, Кольриджа, Байрона, Шелли, Брунонти, Гете, Гейне. Во встрече участвовал словесник М. Морозов отметил высокое качество переводов В. Левина.

Завтра Московский цирк покажет новую программу, составленную из выступлений цирковых артистов Латвии и Литвы. Эта программа подготовлена в Риге режиссером А. Арволом и художественным руководителем Московского цирка Ю. Юрским.

А. БАССЕХЕС „ЧАЙКА“

В театре им. Моссовета

«Чайка» — самая трудная, если угодно, самая «заточенная» пьеса Чехова. Всем известны ее петербургский провал и московский триумф. Все знают, что чайка на завязе — символ Художественного театра, образ его борьбы за новое реалистическое искусство. И если теперь талантливые актеры и крупный режиссер вновь берутся за эту пьесу, верится, что выбор театра отвечает его внутренней потребности, что Ю. Завальский хотел создать программный спектакль.

Мир чеховских образов — это не классика, отделившаяся от нашего времени высокими хребтами целых исторических эпох. Живыми нитями связывает нас Чехов с прошлым. Герои «Чайки», как самые скромные, такие, как Сорин, Медведенко и Маша, — сочувственно думающие люди. И, может быть, то, что делает их по-настоящему близкими, — это их неуспокоенность, потребность в лучшем, более справедливом устройстве жизни.

«Пять пудов любви», много действительно тяжелого и печального — в человеческой комедии, разыгранной у берегов колдовского озера. В эту пьесу люди приходят с еще осязаемым чувством разлада и неустроенности. Сорин — котел счастья, но не в состоянии вырвать его из сердца. Не в состоянии как та же, прикован Тригорин к своему труду. Даже уединенный, равнодушный Дорн таит неутоленные желания. На всем протяжении пьесы — картины обиденной жизни и, как гласит полное течение, — неразделенная любовь, мечта, победы и поражения на пути к счастью творчества.

Почему Треплев кончает жизнь самоубийством? Нельзя искать причину только в крушении его любви, как это пытаются, на наш взгляд, доказать Астангов, сжимая голову руками, для протеста их с Машей и Нине. У Чехова этот образ более сложный и противоречивый. Треплев — талантливый, интуитивный художник — не сумел утвердить свое призвание. И трагический исход героя вовсе не предопределен. Это в первую очередь конец поэта, а не любовника.

К судьбе Треплева тяготеют все остальные уловные конфликты пьесы и ее герои.

Переводы польских пьес

Комиссия по славянской драматургии при Главном управлении театрами Комитета по делам искусств рассмотрела ряд произведений классиков польской драматургии. Эти пьесы решено рекомендовать для постановки на сценах советских театров.

К работе комиссии привлечены квалифицированные переводчики. Уже переведены «Дамы и государы» А. Фредры (перевод А. Арога), «Мораль пани Дульской» (два перевода — Н. Славянского и В. Ивановой), «Панна Миклашевская» Г. Зановской (перевод В. Ивановой под редакцией С. Игнатова), «Открытый дом» М. Балуцкого (перевод В. Ивановой) и «Мария Стюарт» Ю. Словацкого (перевод В. Мотылевской и Я. Апушкина).

Сцена из IV акта. На снимке (слева направо): Сорин — О. Абулов, Дорн — Р. Плянт, Полина Андреевна — А. Алексеева, Маша — В. Марецкая, Тригорин — М. Названов, Аркадина — Т. Оганезова.

ев. Треплев с его повышенной уязвимостью принимает на себя и осознает, как трагедия, все то, что назревает в судьбе окружающих его людей. Бремя бесконечно, окружающее его. Бремя бесконечно, окружающее его. Бремя бесконечно, окружающее его.

В решающей сцене четвертого акта Косенкова — все та же хрупкая, трогательная, вызывающая жалость девушка. А ведь есть в Нине Заречной и другое — вера в свои силы, решимость следовать своему призванию. Без этой мечты Чехова, олицетворенной в чайке, спектаклю нехватает перспективы. Остается только изыскать сентиментально-жалостливая картина давно ушедшей жизни. Она верна, и то только отчасти, при обрисовке второстепенных персонажей пьесы.

Безукоризненно, мягко и естественно проводит свою роль О. Абулов — Сорин. Ему под стать Медведенко в исполнении В. Ванина, Хороши и Шамраев (П. Герга) и Полина Андреевна (А. Алексеева). Тщательно расписана Т. Оганезовой роль Аркадиной. Но в сцене обнимания с Тригоринем Оганезовой, как нам кажется, недостает красок для передачи тех подлинных и искренних страстей, которые Чехов свел в короткий, стремительно развивающийся диалог, раскрыв и исчерпав в нем до конца характер Аркадиной.

О. В. Марецкой — Маше и Тригорине — М. Названовым приходится говорить особую, несомненно возможную опытно, большой актрисы и молодого актера, впервые занятого в такой крупной и ответственной роли. В спектакле у них общая судьба. Все, что должно звучать в подтексте, вынесено ими наружу, стало предлогом для игры-показа. Порой кажется, что Марецкая и Названов превратили отдельные

БУДУЩИЕ КНИГИ

Арк. КУЗНЕЦОВ.

В дни победы мы вспоминаем боевые знамена, скобца о погибших на полях великой освободительной войны. На многолюдных собраниях чтим их память вставанием.

Многие из поколений людей, к которому я себя причисляю, не придут к родным хатам и полям, но помнить об их благородной борьбе будут жить в сердцах будущих поколений. Это для людей будущего оно продолжит путь к жизни и светлой радости труда.

Их они освободили от черного мрака фашизма. Память о наших павших друзьях и сверстниках мы обязаны укрепить навечно в будущих поколениях, мы должны по мере своих сил запечатлеть их образы на страницах романов, повестей, поэмы. Мы должны почтить их память горячим, от сердца идущим немеркнущим словом.

За годы Отечественной войны я написал три поэмы: «Знамя бригады», «Цимбалы» и «Дом № 24».

Уже 5 мая, когда в Праге и ее окрестностях началось восстание и народ встал во главе баррикад, на стенах домов появились напечатанная в форме афиши газетная листовка с призывом Национального комитета начать борьбу за освобождение.

Одновременно вышел в свет и орган коммунистической партии Чехословакии «Звезда правды» до тех пор илававшийся «Лиде» (сегодня) с призывом Национального комитета начать борьбу за освобождение.

В настоящее время, кроме уже названных газет, в Праге выходят: «Право Лиды» — орган социал-демократической партии; «Лидова Демокрацие» (раньше — «Лидова лйста»); вместо ранее издававшейся газеты «Народни политика», которая во время оккупации была органом сотрудничавших с немцами изменников, издается новая газета «Прага» («Труда»). — орган профсоюзного движения. Из газетных киосков исчезла также газета «Ческе слово», вместо которой издается орган чехословацкой партии народных социалистов «Свободное слово». Вместо газеты «Лидова лйста» выходит «Свободные новости» — орган Объединения культурных организаций.

У чехословацкой молодежи, которая никогда не имела самостоятельной ежедневной газеты, теперь есть свой орган — «Млада Фронт». Вновь начала выходить закрытая немцами с первых дней оккупации Чехословакии газета «Народни освобожен».

Новое явление в чешской журналистике — выпуск ежедневной газеты чехословацкой армии «За Новое Чехословацкое», выросшей из фронтовой газеты.

В редакциях всех газет произведена основательная чистка: все редакторы, которые служили оккупантам и их приспешники, преданы суду, и их ждет справедливое наказание. Один из них, небезызвестный Вайтауз, покончил самоубийством.

Из известных чешских писателей остались в живых: Иосиф Гора, Иван Ольбах, Франтишек Галас, Иосиф Копта, Станислав К. Нейман, Т. Сватоплюк, Ярослав Сейферт, Богумил Матхезиус, Мария Пуйманова, Петр Иленицкий, Мария Майерова, Карел Новий, Витеслав Незвал и др.

Ни один из крупных чешских писателей не изменил своему народу и не сотрудничал с немцами. В числе «кллаборантов» оказались только мелкие, почти неизвестные общественности публицисты, как, например, Ян Громега, Федор Сольдан, Рознер и др. Все эти лица исключены из организации писателей и преданы суду.

Жертвами нацистского террора пали писатели: Иосиф Чапек, Владимир Ванчура.

Арк. КУЗНЕЦОВ.

В плане еще две поэмы: «Звезда Камилла» — о юношеских годах Алеся Рыбки и поэма о победе, о послевоенной судьбе героя. Вместе с «Знаменем бригады» и «Цимбалы» это составляет поэтический цикл, в котором я хочу рассказать о судьбе своего поколения, прошедшего большую, героический путь борьбы и победы. Каждая из этих поэм самостоятельна по замыслу и сюжету. Но вместе с тем все они связаны между собой общим героем — Алесем Рыбкой. Мои поэмы рисуют не только жизнь этого героя, но и судьбу его семьи.

Таковы планы на ближайшие два-три года.

Весь же 1945 год я посвящаю работе над книгой стихов. В нее войдут стихи военных лет, а также стихи о победе.

Арк. Кузнецов

Письмо из Чехословакии

Ярослав Кртоквал, проф. Владимир Геллерт и др. Ожили в последние жертвы гитлеризма стал редактор Зденек Немец, казненный за несколько дней до восстания в Праге.

Как только замолкли последние выстрелы, культурная жизнь в Праге забилась ключом, газетах появились стихи выдающихся чешских поэтов, открылись театры. В помещениях бывших немецких театров начал работать новый чешский театр — «Театр 5-го мая» (день 5-го мая — начало пражского восстания). Руководящие деятели этого театра — Антонин Курши и композитор Алоиз Хаба. Театр находится в ведении профсоюзной, и программа его — «служить рабочему классу в борьбе против фашизма и реакции, в борьбе за очищенную народную демократическую республику».

В данное время «Театр 5-го мая» готовит спектакль по роману А. Серафимовича «Железный поток», ставит пьесу Отокар Чероха «Великое испытание» (об испанской революции), оперу И. Двержинского «Тихий Дон» и др.

Почти все пражские театры уделяют внимание русской драматургии и опере. Городской театр готовит постановку пьесы А. Корнейчука «Гибель скакун», театр «Новая жизнь» работает над постановками пьес Островского, Билль-Белоцерковского, Катаева и др.

Многие из чешских актеров были непосредственными участниками восстания. «Национальный театр», уже начавший действовать, оборонялся группой актеров и технического персонала.

Среди театральных работников, павших на баррикадах, — талантливый молодой актер Владислав Падюр и балетмейстер Национального театра Эог Енчик.

Из германского концлагеря возвращается Э. Бурман — видный деятель современного чешского театра.

Телеграмма чешских писателей

Союзом советских писателей СССР получена следующая телеграмма от Союза чешских писателей:

«Шлем вам дружеский привет из столицы Чехословакии Праги, освобожденной Красной Армией, которая в решающий момент подоспела на помощь народу, восставшему против немецких оккупантов.

Мы вам обещаем верно сотрудничество в счастливом будущем».

Фразы чеховского текста в ремарки и в соответствии с этими, произвольно выбранными, признаками своих героев строили образ.

Маша говорит: «жизнь свою я ташу волоком, как бесконечный шлеф». Вот так волоком, с расслабленными движениями и безнадежно опущенными руками прохит Марецкая через все четыре акта пьесы. Тригорин с горечью замечает: «У меня нет своей воли... У меня никогда не было своей воли... Вилый, рыхлак, всегда покорный» — неужели это может нравиться жене... Обмякшим, облезлым Названов и старается играть Тригорина. Чехов не терпит такой упрощенной наглядности.

На деле Тригорин богаче, сложнее. Когда думаешь о природе созданного Завальским спектакля, когда восстанавливаешь в памяти всю цепь мизансцен, через которые режиссер проводит актеров, начинаешь различать его замысел.

Завальский отставил право героев Чехова на наше сочувствие. Правильный, верный подход! Но в спектакле звучат и другие нотки. Тогда сочувствие подменяет, ся жалостливостью. Отсюда все пороки, все излишества этого спектакля, с его прямолинейностью в обнаружении сокровенных мыслей людей, с томительными паузами и тусклой раскаткой. Строже и сурово правдивостью надо играть на современной сцене Чехова. Писатель сам в заключительных словах Дорна дал скату, предельно выразительную формулу своего стиля: «Лопнула склянка с эфиром». За эти простые, будничными словами — горестный итог целой жизни.

«Было бы неправильно не видеть все то своеобразное и подчас очень выразительное, что привнес Завальский в этот первобытный, но разыгранный с искренним волнением спектакль. Может быть, потому, что на первый план в нем вышли второстепенные персонажи, центром пьесы, глоссами судьбы ее героев стал Дорн.

Есть в чеховском замысле черты, отчасти оправдывающие такую перестановку. Дорн имеет всего лично заинтересован в перипетиях драмы. В нем, при всей его героической синхронности к человеческим слабостям, есть нечто от судьи. И этот суровый приговор звучит великодушно и тусклой раскаткой. Строже и сурово правдивостью надо играть на современной сцене Чехова. Писатель сам в заключительных словах Дорна дал скату, предельно выразительную формулу своего стиля: «Лопнула склянка с эфиром». За эти простые, будничными словами — горестный итог целой жизни.

«Было бы неправильно не видеть все то своеобразное и подчас очень выразительное, что привнес Завальский в этот первобытный, но разыгранный с искренним волнением спектакль. Может быть, потому, что на первый план в нем вышли второстепенные персонажи, центром пьесы, глоссами судьбы ее героев стал Дорн.

Есть в чеховском замысле черты, отчасти оправдывающие такую перестановку. Дорн имеет всего лично заинтересован в перипетиях драмы. В нем, при всей его героической синхронности к человеческим слабостям, есть нечто от судьи. И этот суровый приговор звучит великодушно и тусклой раскаткой. Строже и сурово правдивостью надо играть на современной сцене Чехова. Писатель сам в заключительных словах Дорна дал скату, предельно выразительную формулу своего стиля: «Лопнула склянка с эфиром». За эти простые, будничными словами — горестный итог целой жизни.

«Было бы неправильно не видеть все то своеобразное и подчас очень выразительное, что привнес Завальский в этот первобытный, но разыгранный с искренним волнением спектакль. Может быть, потому, что на первый план в нем вышли второстепенные персонажи, центром пьесы, глоссами судьбы ее героев стал Дорн.

Есть в чеховском замысле черты, отчасти оправдывающие такую перестановку. Дорн имеет всего лично заинтересован в перипетиях драмы. В нем, при всей его героической синхронности к человеческим слабостям, есть нечто от судьи. И этот суровый приговор звучит великодушно и тусклой раскаткой. Строже и сурово правдивостью надо играть на современной сцене Чехова. Писатель сам в заключительных словах Дорна дал скату, предельно выразительную формулу своего стиля: «Лопнула склянка с эфиром». За эти простые, будничными словами — горестный итог целой жизни.

«Было бы неправильно не видеть все то своеобразное и подчас очень выразительное, что привнес Завальский в этот первобытный, но разыгранный с искренним волнением спектакль. Может быть, потому, что на первый план в нем вышли второстепенные персонажи, центром пьесы, глоссами судьбы ее героев стал Дорн.

Есть в чеховском замысле черты, отчасти оправдывающие такую перестановку. Дорн имеет всего лично заинтересован в перипетиях драмы. В нем, при всей его героической синхронности к человеческим слабостям, есть нечто от судьи. И этот суровый приговор звучит великодушно и тусклой раскаткой. Строже и сурово правдивостью надо играть на современной сцене Чехова. Писатель сам в заключительных словах Дорна дал скату, предельно выразительную формулу своего стиля: «Лопнула склянка с эфиром». За эти простые, будничными словами — горестный итог целой жизни.

«Было бы неправильно не видеть все то своеобразное и подчас очень выразительное, что привнес Завальский в этот первобытный, но разыгранный с искренним волнением спектакль. Может быть, потому, что на первый план в нем вышли второстепенные персонажи, центром пьесы, глоссами судьбы ее героев стал Дорн.

Есть в чеховском замысле черты, отчасти оправдывающие такую перестановку. Дорн имеет всего лично заинтересован в перипетиях драмы. В нем, при всей его героической синхронности к человеческим слабостям, есть нечто от судьи. И этот суровый приговор звучит великодушно и тусклой раскаткой. Строже и сурово правдивостью надо играть на современной сцене Чехова. Писатель сам в заключительных словах Дорна дал скату, предельно выразительную формулу своего стиля: «Лопнула склянка с эфиром». За эти простые, будничными словами — горестный итог целой жизни.

«Было бы неправильно не видеть все то своеобразное и подчас очень выразительное, что привнес Завальский в этот первобытный, но разыгранный с искренним волнением спектакль. Может быть, потому, что на первый план в нем вышли второстепенные персонажи, центром пьесы, глоссами судьбы ее героев стал Дорн.

Есть в чеховском замысле черты, отчасти оправдывающие такую перестановку. Дорн имеет всего лично заинтересован в перипетиях драмы. В нем, при всей его героической синхронности к человеческим слабостям, есть нечто от судьи. И этот суровый приговор звучит великодушно и тусклой раскаткой. Строже и сурово правдивостью надо играть на современной сцене Чехова. Писатель сам в заключительных словах Дорна дал скату, предельно выразительную формулу своего стиля: «Лопнула склянка с эфиром». За эти простые, будничными словами — горестный итог целой жизни.

«Было бы неправильно не видеть все то своеобразное и подчас очень выразительное, что привнес Завальский в этот первобытный, но разыгранный с искренним волнением спектакль. Может быть, потому, что на первый план в нем вышли второстепенные персонажи, центром пьесы, глоссами судьбы ее героев стал Дорн.

Есть в чеховском замысле черты, отчасти оправдывающие такую перестановку. Дорн имеет всего лично заинтересован в перипетиях драмы. В нем, при всей его героической синхронности к человеческим слабостям, есть нечто от судьи. И этот суровый приговор звучит великодушно и тусклой раскаткой. Строже и сурово правдивостью надо играть на современной сцене Чехова. Писатель сам в заключительных словах Дорна дал скату, предельно выразительную формулу своего стиля: «Лопнула склянка с эфиром». За эти простые, будничными словами — горестный итог целой жизни.

«Было бы неправильно не видеть все то своеобразное и подчас очень выразительное, что привнес Завальский в этот первобытный, но разыгранный с искренним волнением спектакль. Может быть, потому, что на первый план в нем вышли второстепенные персонажи, центром пьесы, глоссами судьбы ее героев стал Дорн.

Есть в чеховском замысле черты, отчасти оправдывающие такую перестановку. Дорн имеет всего лично заинтересован в перипетиях драмы. В нем, при всей его героической синхронности к человеческим слабостям, есть нечто от судьи. И этот суровый приговор звучит великодушно и тусклой раскаткой. Строже и сурово правдивостью надо играть на современной сцене Чехова. Писатель сам в заключительных словах Дорна дал скату, предельно выразительную формулу своего стиля: «Лопнула склянка с эфиром». За эти простые, будничными словами — горестный итог целой жизни.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Евг. БЕРМОНТ Благополучный конец

Тяга к «благополучному концу» в пьесе или повести всегда имела не только у авторов, но и у читателей.

Во времена Островского девушки читали лишь такие романы, которые оканчивались свадьбой.

Когда Понсов до Террайль, после доброй сотни весьма пространств фельетонов, уйд, наконец, своего Ружомбурга, — перед редакцией газеты, где печатался этот роман, собралась большая толпа подлинников, протестующих против авторской расправы с героем.

Пришлося самому издателю выйти на балкон и успокоить демонстрантов, поощряя им воскресить Ружомбурга в следующем же номере газеты.

Слава богу, нашим драматургам читательские демонстрации не угрожают. Благополучный конец в их пьесах стал уже такой же традицией, какой некогда был заключительный поцелуй в американских немых фильмах.

Драматург является ангелом-хранителем положительного героя и всегда удаляет все его дела, как личные, так и служебные, от влияния Ружомбурга.

Он не только раши залечит и квартиру вернет, но и капризную женщину выведет из обитой отрицательного типа, чтобы кинуть на грудь положительного.

Зритель избавлен от лишней волненьи, вызываемых неизвестностью. Он спокойно читает программу или беседует с соседкой, пока герой тонет в море, умирает от воспаления легких или страдает от ревности и одиночества.

Ангел-хранитель из секции драматургов всегда на посту!

Недавно я смотрел «День рождения» брагген Тур в Театре Красной Армии. На сцене шел возмущенный бой. Публика наблюдала его без всякого напряжения. Каждый знал, что в каждую минуту сразу два ангела-хранителя прыгнут через свои широкие крылья.

Наконец, нам, так сказать, уже официально — от имени авторов и командования — объявили, что лейтенант Крошкин погиб. Чтобы вызвать соответствующую эмоцию в зрительном зале, несколько девушек на аэродроме громко зарыдали, а боевой оркестр погибшего смахнул традиционную слезу.

Но в публике никто не плакал.

Когда одна наивная зрительница в тревоге схватила за локоть своего соседа и спросила прерывающимся голосом: — Коля, неужели это симпатичный летчик погиб?

Тот спокойно ответил: — В пьесе симпатичные летчики никогда не гибнут.

И ровно через минуту раздался радостный гул мотора, и оплаканный авиатор и режиссер лейтенант Крошкин прилетел прямо с того света.

Буквально то же самое происходит и в «Офицере флота» Александра Крауна. В продолжение целой картины невеста капитана Горбунова ломает в отчаянии руки, пытается убедить нас, что ее жених утонул.

Два моряка-подводника поддерживают эту трагическую версию и кланутся отомстить за любимого товарища.

Но никто в публике им не верит. Все знает, что капитан выплывает. И он действительно выплывает из декораций Акимова, как раз перед самым концом спектакля.

Итак, благополучный конец — это традиция, которую не следует нарушать.

Итак, благополучный конец — это традиция, которую не следует нарушать.

Итак, благополучный конец — это традиция, которую не следует нарушать.

Итак, благополучный конец — это традиция, которую не следует нарушать.

Итак, благополучный конец — это традиция, которую не следует нарушать.

Итак, благополучный конец — это традиция, которую не следует нарушать.

Итак, благополучный конец — это традиция, которую не следует нарушать.

Итак, благополучный конец — это традиция, которую не следует нарушать.

Итак, благополучный конец — это традиция, которую не следует нарушать.

Итак, благополучный конец — это традиция, которую не следует нарушать.

Итак, благополучный конец — это традиция, которую не следует нарушать.

Итак, благополучный конец — это традиция, которую не следует нарушать.

Итак, благополучный конец — это традиция, которую не следует нарушать.

А Леонид Леонов в «Обыкновенном человеке» берет пустую девочку Киру, типичную «рифму», ищущую выгодного жениха, и буквально под занавес молодого человека в боковую пещеру молодого человека, ее в плен. Сейчас же вместе в лабораторию, — неожиданно треплет она в самую последнюю минуту, когда зрители уже бегут за галлонами.